

Территория Творства

Девять Жизней

фантастическая четверка

Валентина Спирина

Девять Жизней.

Фантастическая четверка

«Издательские решения»

Спирина В.

Девять Жизней. Фантастическая четверка / В. Спирина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930595-4

Надеемся, что сборник «Девять Жизней» полетит далеко, ведь он собрал в свой корабль незаурядных авторов. Вот и в этот раз, в «фантастической четверке», вашим вниманием завладеют очень талантливые люди, ничем не ограниченные ни в фантазиях, ни в формах их выражения. Прочтенное непременно оставит в душе след, такой же яркий и пронзительный, как хвост кометы. Так давайте в экипаже фантастической четверки рванём по просторам авторского воображения, хотя бы на миг забыв реальность будней. Поехали!

ISBN 978-5-44-930595-4

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Анжелика Бакир	7
Магический декаданс	8
Среди миллиардов до точности до микрона	9
Решето небесное	10
В садах затерянных миров	11
Душа	12
Белым по чёрному	13
Борьба! Но кто об этом знает	14
Последняя проба	15
За лабиринтами сердец	16
Зрелой вечности слёзы	17
Из мира мёртвых	18
Странники снов	19
У демона опущен взор	20
Стоном звёздного племени	21
Эксответснеба	23
Мы – на равных	24
Я твой Ангел	25
Ты – мой друг	26
Кристалл Любви	27
Сбросьте тысячи слов! Миллион! Миллиард!	28
Лети и верь! Ты – маленький мой принц	29
Light inside	30
Пик Персеид	31
В глазах целый – мир	32
И в омуте этом, казалось, без света	34
На струнах неба всё ещё не спят	35
Между нами шесть лет одиночества...	36
Заблудившийся страж	37
Милена Гусева	38
Поэма о любви и магии	39
Аокигахара	41
Легенда о Сапфо	45
Чёрная кошка (Девять жизней)	46
Скелет	47
И снова внезапно	49
Ссора призраков	51
Радуйся	52
Инженю	53
Подменили	54
Снежная Королева	56
Жизнь	57
Песня о бесконечном пути	58
Панночка	59
Властители мира	61
Жизнь – показательная функция	63

Лижы мои шрамы	64
Ответ на стихотворение Роберта Рождественского «Тихо летят паутинные нити»	65
Чисто философически...	66
Маніс	68
Кризис	70
Журавель	72
Сердцевина	73
Мой коротенький путь	74
Александр Гирин	75
Глава 1	76
Глава 2	78
Глава 3	80
Глава 4	81
Глава 5	83
Светлана Королева	84
Душенька	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Девять Жизней Фантастическая четверка

Редактор Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0595-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com

Анжелика Бакир

Казахстан – Астана

Магический декаданс

Среди миллиардов до точности до микрона

Минорная песня прощального, стылого марта
Звучит, обтекая дождями своими уныло,

Все лица, смотрящие жизни походную карту.
Ведущую ввысь. Им туда бы... Да не обратимо.

Стучит, выбивая нагретые ритмы у пульса.
Небесная ширь распластала себя натяжна'я.

И движет планета намеченным издревле курсом
До Острова Света, светила свои призывая.

Когда-то проснётся. Откроет своё измерение
Для всех, без разбора, щадящие явит глаза.

Не делится надвое дождь – заунывная серость.
Преграды не выстроит жизнь – затяжная весна.

И времени мало. Остаточный рвёт по секундам
Шанс воли у выбора – стыннуть нутром или греть.

У счастья дорога считается самой из трудных.
Не мало прошли и на карте указана треть.

Среди миллиардов, до точности доли микрона
Отмечены меткой сердца, что горят ежечасно.

Минорные ноты прощального, стылого стона
Снимают с других, растерявших огни.
Не напрасно...

Решето небесное

Решето небесное на моих руках.
Веются безгрешные звёздочки впотьмах.

Вот упала первая в млечные края,
Назову невестою страстного бытия.

А за ней другие сыпятся, смеясь.
Пусть рисуют милые сумерками вязь.

Чудеса клубятся в сетях решета.
Пусть горят небесные звёзды до утра.

Всем по наречению. Всех по именам.
Переливы встречные, радостно глазам.

Я руками ласково глажу нити их...
Привязала к месяцу... Доброго пути...

В садах затерянных миров

Как больно по осколкам босиком.
Виски сжимает, словно боль тисками.
Среди застывших гипсовых колонн,
Лишь тень моя невиданных скитаний.

Фонтаны, некогда живущие в раю,
Повисших лоз засохший виноград.
Поникли серостью колючей. На краю
Терновников нестройный ряд.

Темнеет небо чёрной гроздью влаги.
Скрипучий скрежет сорванных петель.
Пронзает скрипка нотами Вивальди,
Душой терзает в стон виолончель.

Как больно по осколкам босиком
В садах затерянных миров веками.
Ходить и видеть прошлого излом
Больших, нечеловеческих страданий.

Душа

Она ребёнок... Совсем ребёнок...
Открыта Миру...

А Мир в округе своих воронок
Листает книгу.

Иspiшет ручкой смешные ноты
И наиграет.

Она мала'я, по шагу в пропасть.
Смеясь, слетает...

Коленки бьются, заплачет громко.
Бывает больно.

И только после, её в пелёнки,
А ткани ко'лки.

Не виновата, что заточили
В такое тело.

Она ребёнок, лопочет еле
И неумело.

О том, что надо и что не надо
Тебе в дороге.

А Мир всё вертит свои начала
В крутой воронке.

Остановиться, её услышать
Совсем не сложно.

Никто. Ничто. Она и ты лишь.
И осторожно.

Белым по чёрному

Красками белыми, красками чёрными...
Снимки вчерашнего дня – негативы...

И на верёвках, квадратами вздёргнуты,
Сушатся красного сердца нарывы...

Контуром чётким ползёт, проявляется
Память, казалось бы, стёртая на прочь.

Выйду из комнаты. Пусть искупается
Всеми доступными правдами за ночь.

В небо взгляну. До потери сознания
Стану смотреть на сияние грёз.

И вдруг пойму, что само мироздание
Белым по чёрному – россыпью звёзд...

Борьба! Но кто об этом знает

Из тьмы возникшие угодя
Остатками, почти золой.
Измазав степень плодородия,
Нависли памятью густой.

– Пстой! – кричу, – Не смей
касаться!
Не смей терзать остатки жизни!
Но стала чернота смеяться,
Вдруг, начиная с моей тризны.

Ползёт химера, растекаясь,
И душу к Дьяволу взывает.
Лучом рублю и рассекаю,
Но ярой хамкой напоззает

На свет и целится мне в грудь.
Борьба! Но кто об этом знает?
Зрочки – рассыпчатая ртуть
И с языка её слетает

Аркан, цепляя руки, ноги,
Пытаясь туже затянуть.
Не понимая, тело в коме,
Душа же хочет разомкнуть

Свой цепкий узел Чудотворца,
Где жарче пламени оков
Аида плавящие кольца —
Сердечная двоих Любовь!

Борьба! Но кто об этом знает?
У тьмы служителей не счесть.
Душа одна всегда страдает
Всё потому, что Свет в ней есть.

Последняя проба

На золоте ставят пробу.
Вы думаете на людях
Не ставят? Кому в угоду
Гравировано «Пребудет!»

В бедовые организмы
Вливают слои франшизы.
Гуляют в телах харизмы
Без штампа гонимой визы.

Ведут на расстрел, обу'яв,
Рожают, крича, кидают.
Кого защищают грудью,
Того со спины стреляют.

Намедни по меди сталью
Вечернее громко «Время!»
А что за холмистой далью?
Расставленные мишени.

Но главное – это проба!
Последняя -три девятки.
Замкнули Вселенной скобы
Наземно играют в прятки.

За лабиринтами сердец

За лабиринтами сердец
Бежит ручей неторопливо.

Родник восьми его колец
Ко всем относится учтиво.

Не схожестъ разума. Полна
Вода, мерцающая гладью.

Сердечным стуком кружева
Волну свою плетут за гранью.

Лишь для души открыто всё.
Познание законов свыше.

Небесной амфоры литьё
И ковка подземельной ниши...

Зрелой вечности слёзы

С точки зрения вечности, нас уже нет...
Нет прозрачных следов шелковистого эха.
В облаках, где глазницей закатный рассвет,
Обнимая тела, тают крохотно – веки...

Забываясь в ночи, просыпаясь ли утром,
Океаны вдали неизбежно застыли.
Окольцованный ветер, боясь шелохнуться,
Не тревожит озябшей песчинками пыли.

Миг открытого счастья. Завтра всё по иному...
Млечным соком по краю, ласкающем век.
Унесет за собой неизвестность в покой
Зрелой вечности слёзы, где нас уже нет...

Из мира мёртвых

Не хочу... Видеть мир сквозь стекло...
Не хочу верить в штампы иллюзий...

Разобью всю прозрачность его
И шагну по осколкам, где люди...

Где тепло от ладоней идёт,
Не скрываясь за холодность рамы.

Где улыбкам понятен полёт,
Потому-что, вот здесь они, рядом.

Настоящее чувствуют словом,
Отзываясь волной доброты.

Где дожди и снега с морозом,
Звонкий хохот бегущей весны.

Всё хочу... До всего коснуться...
От заснеженных временем гор

До глубокого дна безумства
Океана просторного. Вот!

Крик не слышит никто, он – Ангел
Бестелесный из «мира мёртвых».

Застекольная жизнь в порядке
И не видится крыльев стёртых...

Странники снов

Взирая на горы покрытые снегом,
Уткнувшихся пиками гордо в века,
Печалью объятые снежные ветры
Вонзают иголки в уснувших сердцах.

И слезы мои, не успев, обретают
Узоры немислимых, все же снегов.
Взывают к горам свои вечные тайны,
Но тянутся пики до странников снов.

Плывут облака, задевая вершины,
Слегка задержавшись, ласкают снега.
Так делятся мыслями высшие силы —
Чем тверже камня, тем мягче вода.

Коснуться тех гор, заковавших молчание,
Остаться тем облаком взором прошу.
Но высшие силы своими снегами
Оставили мне в назидание слезу...

Слеза, есть ли мягче тебя на земле?
И есть ли прозрачней тебя естество.
Но горы молчат... И плывут в тишине
Ветрами объятые странники снов.

У демона опущен взор

У Демона опущен взор
И волны бьются об утёс.
Познавший внутренний простор,
Задавший сам себе вопрос.

В душе его была она —
Искра немедленного счастья,
Из высоты достигнув дна,
Небесного её запястья.

Отрывки фраз. Улыбки глаз
И звонкий смех, всё прах и грех
Мучений сладостного сна,
Душевных стынувших прорех.

Но волны бьются об утёс,
Напоминая пеной крылья,
Что расправлялись у неё
От поцелуев не остывших.

Бывало, сядет рядом с ним,
Рисует на песке сердечки.
Волна смывала робко их,
Смущённо выводя колечки.

У Демона опущен взор
И собеседники лишь звёзды.
А по волнам печально шёл
К утёсу Ангел поднебесный...

Стоном звёздного племени

По кровавым осколкам,
Не чувствуя боли,
Моё сердце к высотам
Стремится взлететь.
По следам, чуя запах
Истерзанной крови,
Бегут волки и скалят
Улыбками твердь.
Твердь, сверкая луной
В хаотичном движении,
В стаи кучно сбиваясь,
Рассыпаясь в ночи,
Бьёт о скулы волков
Стоном звёздного племени.
Моё сердце не плачет уже...
Не кричит...
Оно видит картину
Миров запредельную.
Оно чувствует хрупкость
Создания вне...
Что мне волки,
Гонимые на истребление
Моего созидания

В сказочном сне...

Не вернусь...

Не хочу быть

Разорванной в клочья...

Просыпаться в удушье.

Задыхаться и тлеть.

По кровавым осколкам,

Не чувствуя боли,

Сердце снова к высотам

Стремится взлететь...

Эксответснеба

С неба горечи Счастье упало,
За край облака зацепившись.

Почему оно задержалось?
Оно так хотело разбиться.

Счастье висло в истерике криком.
Солнце вслед ему тоже кричало.

И весь мир показался диким —
В небе синем два солнца сияло.

Не протянута в помощь рука.
Её не кому было подать.

И плывут в дальний путь облака.
Облака не умеют стоять.

Серой ночью весь город во сне.
Спят дома, фонари и кварталы.

Пролетела звезда в полутьме.
Счастье, видно, держаться устало.

Тихий город в ночи спит глубоким сном. Только мальчик один, над бумагой склонившись, собирал из картона окошек проём и мечтал, что бы Ангел в окне появился...

Тусклый свет фонаря освещал силуэт. А по стенам мерцание призрачной тени... И сияние глаз серых, словно бы век, говорило о том, что всё исполнимо.

Вдруг упала звезда в небе чёрном, как смоль. У раскрытых окон складки штор шелохнулись. И услышал мальчишка:

– И где же мой дом? Я сюда прилетел, что бы всё изменилось...

Мы – на равных

Ты врываешься, словно Демон!
Расправляя крылья, закрывая Мир.

Только где твоей жизни кредо?
Где твоих предпочтений кумир?

Мы – на равных!

Ты думаешь светлость?
Правит мысли твои потоками?

Отверни от меня свою грешность,
Твои раны настолько глубокие.

Тенью стать не смогу и не надобно!
Крылья данные мне – не тобой!

В твоих нет семицветия радуги,
Только «чёрный» и «белый».
Где твой?

Мой – на мне и во мне между строчками
Пусть не так уж силён мой накал.

И люблю я весной ветви с почками,
А зимой я люблю снегопад.

Даже крылья твои, что простёрты
Надо мной, означают рассвет!

В силе слова – такой одинокий.
Извини...
Но твой Ангел – нет!

Я твой Ангел

Наконец-то... Потихоньку
На душе твоей светает.

Сердце тикает в сторонке
Оно тонкости не знает.

Первое, что было в детстве.
Все для тела выкрутасы

Вытворялись с кем-то вместе.
И сейчас бы, да не раз бы.

После, сердцу размышлений.
Капелька большой любви.

Раскатилась в твоём чреве
Безвозвратностью мечты.

Ну, а третье – это разум.
С ним знакомишься потом.

Когда хлынет всё и сразу.
Наболевшее – в излом.

Потихоньку, еле слышно
Это всё ведёт она.

Хрупкие дожди на крыше,
Словно девочка-весна.

Правда? Всё в тебе прекрасно.
Тело, сердце, разум ясный...

Теперь видишь, не напрасно
Познаётся это счастье.

Наконец-то... Потихоньку
На душе твоей светает.

Две души в одном сосуде
Понимаешь – не бывает...

Ты – мой друг

В наших мыслях посеяна нежность,
На сердцах лёгким бризом ветров
Тянет слог. Наполняется леность
Из душевных своих уголков.

На трепещущих истиной нитях,
Словно малое нежит дитя,
В радость нам невесомостью литое
Лучезарное семя огня.

Всемогущее слово и думы
Мудрой поступью вывода вновь
Обращает вселенские пути
В одно целое, что есть Любовь.

По бескрайним горячим мотивам,
Всесторонне обхваченный в круг,
Пишет Мир бесконечным курсивом:
«Ты мой друг... Ты мой друг... Ты мой друг...»

Кристалл Любви

У кристалла Любви. запылённого тенью
Раскрошившихся чувств. оседала пыльца.
Снились звёзды ему, бегущие временем,
Оставляя сияние своё на краях...

Одиноко мерцая холодными гранями,
Ожидая скользящего оползня грязь.
Не надеялся, что за предельными далями
Уготована участь бриллиантовым стать.

Сквозь века проносились отметины Веда,
Охраняя все таинства вечной Любви.
Зарождений грядущего для человека
От кристалла частицей в алмазе души.

До сих пор не разгадан, не найден, не узнан.
Часто ищут его, оставаясь в пыли.
Только тем приоткроется тайна искусства,
Кто владеет кристальной частицей Любви...

Сбросьте тысячи слов! Миллион! Миллиард!

Я хотела безумно-безумно летать
Среди буйного ветра, дышать вместе с ним.
Быть прозрачной, как капля, росинке под стать
Или чистой, что воздух на пике вершин.

Перебор, перелёт, может действует страх.
Ошибиться самой, получая ушиб.
Он взлетел и давно в неизвестных мирах,
А когда-то мечтал на Земле иметь нимб.

На коленях стою, вопрошая «Зачем?»
Забирать у одних, оставляя другим.
Что в конце ожидает, порадуют чем?
Не ответит никто, притворяясь глухим.

Ах, оставьте заезженный разумом вирш!
Сбросьте тысячи слов, миллион, миллиард!
Не вернётся слетевший за ду'шами стриж.
Ссыплет с неба грохочущий льдинками град

И запросит в ответ триллионы узлов
Мозговых междометий. Но, кто нас просил?
Бросить невод, не значит последует клёв.
Сердце бьётся – простой часовой механизм.

Я хотела безумно-безумно летать,
Доверяя всему, что в округе живёт.
Сожалею. Всё кончено. Мне не догнать.
Он ушёл в мир иной, в бесконечный полёт...

Лети и верь! Ты – маленький мой принц

За мысленной стеной Душа стояла,
Внимая новой кладке всем нутром.
И думала: «Да, вложено не мало,
Усилий не поймёт никто. Потом,

Есть сила мысли. Ты её воздвигнул.
И во главу угла поставил меч.
Все рассекающий при входе Идол.
Входящий – осязал на теле смерч.

Порывы отзвуков твоих, желание выси
Всем донести: «Летите! Без помех!...»
Видения-слова лишь только грызли
И слышался с щелей протяжный смех.

А в это время пыл, в тебе сгорая,
Слезой стекался плавно по щеке.
Не понимают и не принимают
Огонь тепла в протянутой руке.

Стена прочна, но призрачна и зы'бка.
Коснись её. Пульсация слышна.
Мне очень нравится твоя улыбка.»
И рухнула к ногам Души стена.

Раскинув руки, созвала все силы,
Вращая ими, стёрла пыль с границ.
И прошептала: «Не волнуйся, милый.
Лети и верь! Ты – Маленький мой Принц.»

Light inside

Ритмы сердца реверсами пульса,
Ровным стуком выбивают свет.
Бьют отдачей, вызывая чувства
Возрождая пламенный рассвет.

Колоссом ржаным пронзая утро,
Тает безмятежно кроткий край
Хлёсткого природного искусства,
Превращая сущности в inside.

Луч касаясь мягко, и по росам
Дерзновенно мчит исконный плачь.
Расплетут доверчиво колосья
Свои косы, превращая в часть,

Равную по сути всем созданиям,
Что проснувшись, тянут руки стай.
Получая крохотность признаний,
Отдаваясь в бесконечный Light.

Музыка польётся по видениям,
Растревожит вечность и волной
Магия сердечного мгновения
Развернёт у верности покой.

И кому-то, может, всё не нужно,
А кому-то – настоящий драйв.
Где-то насовсем отдали душу,
Где-то побоялись отдавать.

Ритмы сердца реверсами пульса,
Ровным стуком выбивают свет.
Бьют отдачей, вызывая чувства,
Возрождая пламенности крест.

Пик Персеид

Смотри на небо... Прямо сейчас...
Ты видишь ярко-звёздный дождь?
Метеоритный, что спасал
Твою вселенную и вновь
Давал надежды яркий луч.

Немыслимы сии мгновения.
И жаждут, жаждут воплощений
Со стороны созвездий древних.
Немой действительностью веяной
Такие странные свечения.
Неповторимы без сомнения.

Но как мне объяснить?
Сумею ли...
Сама горю, сияя временно,
Даря мгновения искру.
По направлению к Персею
Сквозь дождь сама к нему лечу.

Мне можно...
Я – ребёнок Неба.
Всего секунда – свою Денеб*,
Смеясь, ладонями задену.
И ты узнаешь меня, правда?
О, если б знал ты... О награде

Такой обычной, в виде чуда
Подаренного просто. Людям.
Неоспоримое – пребудем.
Соприкасаясь к тайне взглядом
Душа наполнится усладой.

Не бойся. Вовсе не Аид,
Небесный дождь – Пик Персеид.
Слезой по краюшку ланит
Необъяснимое...
В обычном, сияя, гаснут звёзды
Лично...

**Денеб – звезда в созвездии Лебедь*

В глазах целый – мир

Предрасветная кру'жится дымка...
И в прикрытых глазах – целый Мир.

Задевает в ночи странный всплеск —
невидимка
И, мерцая, уносит загадочность нимф.

Ощущаю энергию света, подарено тихим
молчанием.
На ладонях сияющий шар, он доверился мне.
Предназначено многим пройти не одно
испытание,
Но спокоен огонь, что не редко горит
на Земле.
А я всё – о тебе...

Хочешь?
Я расскажу тебе тайны Вселенной.
Проведу по дорогам, что кажутся мёртвой
рекой.
Или в ночь заплетённые косами вены
Не дают разомкнуть твоей жизни покой?

Хочешь
Солнце в руках принесу, не такое оно и
дальнее.
Оно столь же обычно, что мы здесь с тобой.
Только, слёзы в ресницах твоих, почему-то
печальные
И луна развернулась не той стороной.

Может, тёмный сюртук, что на спинке у кресла,
Скинут был навсегда и ты хочешь забыть?
Жизнь, в твоём понимании – даты и числа.
И сознание этими знаками мысли дробит.

Хочешь
Звёздной пылью я укрою твои воспоминания.
Будешь помнить лишь радость – она тоже была.
Ты забыл?
И сердечко твоё, что лежит в потаённом кармане,
Оно светится еле, передам ему таинство сил.

Спи.
Я рядом.
Смотрю на твой образ уставший.

Дымка тихо спадает на плечи твои, не мои.
Приложу я ладони на грудь, беспокойно
дышавшую,
И верну тебе сердце.
Проснёшься...
В глазах – целый Мир...

И в омуте этом, казалось, без света

В заоблачных далях корабль плывёт.
Вокруг берегами округлость планет.
Какие ветра паруса разовьют,
По курсу какому рванёт его бег.

Надломлен фарватер, запас иссякает
Волна в девять баллов истошно вопит.
Корабль плывёт, неизвестностью манит.
Загадкой сложнейшего ракурса сдвиг.

Скользит над экватором солнца туманность,
Точёная туча расплющилась в дым.
Корабль плывёт и его первозданность
Невидима в проблеске стянутых жил,

Скрутивших жгуты, образуя воронки.
Пыльцу млечных звёзд намотав под уздцы,
С неистовой силой бьют палубу звонко,
Хлыстами, узлами по гребню беды.

И в омуте этом, казалось, без света.
Без всякой надежды и веру в исход
Рванула на встречу, сорвавшись, Планета
Подставив себя, словно кто её ждёт.

За скрежетом днища о камни и рифы,
Стеная всем корпусом двинулся торс.
Вздыхнул капитан, ветер свистнувший лихо,
В расщелинах грота навечно заглох.

Какой была цель этой дальней поездки
Какие преследовал помыслы он.
Не скажет никто и ночные подвески
Зовут корабли в путешествие вновь.

На струнах неба всё ещё не спят

Путь небесных светил предначертан.
Каждой звёздочке нить суждена.

Межпланетные вздохи вечерние
Задевают струну в небесах.

И вибрируют звуки столетий,
Прикасаясь всей лёгкостью ног.

Без каких-либо ограничений
Искромётная скорость растёт.

Лунный свет – путеводный свидетель,
Молчаливой безгрешности струн.

Не расскажет секреты мгновений
И о чём эти струны поют...

Между нами шесть лет одиночества...

Между нами шесть лет одиночества.
Мы из разных галактик временно.
Пронесём понимание творчества
С колыбели до взлёта. Велено

Нам словесной триадой письменно
Доказать свою точку зрения.
Где кончается жизни истина
И рождается тяготение.

К распознанию, суть выискивать
Золотого ребра сечением.
Невозможное в рамы втискивать
И дробить умопомрачением.

Между нами сто лет из памяти
Поколений, что так же маялись,
Оставляя для мыслей паперти,
Чтобы мы с тобой не раскаялись.

От печали в зените облаком
Занавесились луны жгучие.
Это разница, таким образом,
Обозначена между тучами.

Разойдутся года десятками,
Разродятся, кружа творением.
Ничего, что покрыты латками.
Недостаточно! Сверху велено.

Между нами шесть лет одиночества.
Мы из разных галактик временно.
Возвращаться назад не хочется,
Впереди всё зажато клеммами.

Ты сегодня дышал весеннею
Тонко-струйной душицы завязью.
Укрывалась я хной осеннею,
Растуманена росной заводью.

Между нами планет без отчества.
Между нами вселенных шесть.
Между нами лет одиночества
Не счесть...

Заблудившийся страж

Заблудившийся страж своих мыслей в ночи,
Брёл дорогой меж звёзд, собирая ключи.
Что свисали с деревьев под тяжестью веса
От созревших сердец для любви в конце века.

Наклоняясь к котомке своей, горько плакал.
Не нужны те ключи. Нелюбовью расплата
Исковеркала всё, разлучив, закупорив,
Не давая раскрыться сердечно, без боли.

Лунный камень сиял на ключах талисманом.
Он при свете дневном красотой умолкал.
Не искрился, играя мерцанием дивным.
Лик его отвечал только ночью любимым.

Страж касался камней теплотой своих рук.
Но молчали сердца, словно замкнутый круг.
Сквозь себя было больно ему пронести
Все не нужные людям от сердца ключи.

Всё-равно, где-то там, далеко, далеко...
Заблудившийся знал, не любить – не дано.
Пусть из тысяч одна отзовется Душа...
Собирая ключи, время терпит, спеша...

Милена Гусева

Россия – Выкса

Поэма о любви и магии

Гильдия магов шагала по струнке.
Там, впереди – неизвестность, и только.
Бард не пройдет со своей семистрункой,
Старый трактир не предложит им койку,
Длинный, как жизнь, этот путь без привала,
Долгие ночи под небом открытым...
Вот уж звезда вдалеке засверкала,
Месяц брыкает оленьим копытом.
Слышишь, как воют в лесах вурдалаки?
– Хельга, смотри, костерок на опушке!
Что же за шум без порядочной драки?
Стонут от страха лесные макушки.
Станет поверженный тролль-переросток
Камнем, как только поднимется солнце.
Кончился тракт. Впереди перекрёсток.
Гильдия больше сюда не вернется.
Вот и рассвет. Кратковременный отдых.
Лютня играет и варится зелье.
Горная речка несет свои воды,
Гильдия магов впустила веселье.
Берег реки, а на нём только двое.
– Хельга, ты будешь моею навеки?
Клятва, скреплённая общей судьбою,
Грозный волшебник, смежающий веки
Здесь, на плече у счастливой подруги.
Сонная нега и чары влюбленных.
Вдруг ураган охватил всю округу.
Гильдия магов стоит удивленно.
Троль-переросток, увы, пробудился,
За ночь раздулся и вышел на берег.
Маги не в силах с чудовищем биться,
Гильдия магов в победу не верит.
Что же теперь? Роковая оплошность
Разом погубит такую команду?!
– Хельга! Победа уже невозможна!
– Лягу костями, а повергну громаду!
– Стой, я тебя своим телом прикрою!
– Милый, нельзя! Береги свои силы,
Если умру, – я навеки с тобою!
Больше она ни о чем не просила...
Хрупкая девушка. Троль разъяренный.
Битва титанов – а как же иначе?
Молнии хлещут с небесного трона...
Гильдия магов заранее плачет.
Девушка, сбита волною ударной,
Снова встает, напрягая колени,

Руки направив с мольбой легендарной
В сторону тролля, лишается тени.
Обмер от страха возлюбленный Хельги.
Руки союзников подняты кверху.
В эту минуту на выжженном небе
Вспыхнула боя последняя вежа.
Снегом по пояс засыпало тролля,
Пали с грохотом грузные льдины
Маялось в ужасе бранное поле,
Град разбивался о крепкие спины...
...Девушка замертво тут же упала,
Следом за нею гигант повалился.
Гильдия магов истошно рыдала.
Льдины растаяли, снег прекратился.
Был безутешен возлюбленный Хельги,
Глядя рукою густые ресницы,
Слёзы ронял на дарившие негу
Локоны цвета созревшей пшеницы.
– Хельга, я был дураком, не иначе!
Стоишь ли ты полоумного тролля?
Есть ли в краю этом магия жарче
Чувства, что я называю любовью!?
Я не берег тебя. Есть ли дороже
В мире трофеев, чем горячие плечи?...
– Что вы состроили кислые рожи?
Радуйтесь, маги, колосс покалечен!
– Хельга! Жива! После эдакой бойни!
– Малый, плесни им медвяного эля!
– Я не ушиблась, мне даже не больно,
Зря вы боялись треклятого зверя!
...День приближается снова к закату.
Лютня играет и варится зелье.
Радостью детской и хмелем объята,
Гильдия магов впустила веселье.
Лучики греют продрогшие спины.
Двое гуляют. Их чувства не скроешь.
– Хельга, тебя никогда не покину,
Если ты даже об этом попросишь.
...Гильдия магов шагает без страха.
Месяц брыкает оленьим копытом.
Только любовь возрождает из праха.
Ей все пути, несомненно, открыты.

Аокигахара Радуга. Песня радуг

Где-то в далеком прошлом.
Небо надело фартук
Синего цвета пошлый.
Сосны надели клипсы,
Пледы к березам жмутся,
Пламени пляшут лисы,
Плесени просят бутсы.
Звуки даются в руки,
Слёзы теплы и борзы.
Гнутся устало буки,
Липы меняют позы.
Искренне клонишь долу
Банку, вихрастый, истый.
Фартук кромсает голубь,
Я не причастен долгу,
Кроме самоубийства.
Кто-то на язву падок,
Кто-то судить научен.
Пусть зазвучит беззвучно
Радуга. Песня радуг.
Тело в навозной куче.
Шрамы, узоры ранок.
Небо, снимай-ка фартук,
Скиньте, березы, пледы!
Время вскрываться, карты! —
Мантра моя и кредо.
Пусть обнулится карма,
Чуждо земное, чуждо.
Лес Аокигахара,
Облачко дыма, пара.
Плоть и скелет – лачужка.
Сколько таких же банок
Будет разбито рядом?
Тысячи, мириады...
Мойры, цари, наяды
Скинут свои наряды,
Бросятся в воду с палуб —
Радуги. Песни радуг.

**Аокигахара – лес к северо-западу от подножья горы Фудзи на японском острове Хонсю. Аокигахара является популярным местом самоубийств среди жителей Токио и окрестностей и считается вторым по популярности местом в мире для сведения счётов с жизнью.*

Милю в моих сапожках
Можно проковылять,
Можно протопать,
А можно как я – вальсировать,
Несмотря на «темно» и «сложно»,
Между огней вилять,
Соскабливать копать,
Свое существо насиловать.
Витязь в тигровой шкуре
Трепет в платочке ситцевом
Прячет. Третье лицо
Самому себе – адвокат за деньги.
Наполовину шулер,
Маски от времени все повыщвели,
Плачу. В горле лежит свинцом
Страх ожиданий, когда заденут,
Страх оттого, что мельчают рыцари.
Я же намного больше
Этих дрянных сапог.
Вот и не лезут,
И в кровь натирают стопы.
Бросить, ополнить
Чувствительный уголок,
Выпростать в бездну
Прядильные нити-строфы?
Ясно же – дудки там!
Скажут в сердцах: «Не суть,
Чья-то чужая боль,
Чья-то тоска – всего лишь!»...
То отдадут китам,
То непонятную чушь несут!
Кто разумеет голь?
Тот, кто не бьет без суда наотмашь.
Взвоешь —
Спросишь:
«Что это вообще?
Жизнь?... – ...Не жмёт?»
На таком-то поприще,
В сером плаще
Отражаю полчища
Палачей, клещей
Вкривь да вкось, наизлёт...
Милю в моих сапожках
Мало проковылять,
Нужно в пути не сдохнуть,
Выломать дверь ногой

И успевать вальсировать.
Если безумно тошно,
Сложно других цеплять.
Есть ли возможность тронуть?
Нет, не коснусь – изгой,
Значит, живой огонь
Будет во мне пульсировать...

Слушай, пока ты в силах:
Звук прорывается в небо,
Как номера в массивах —
Ноль за начало, роса за краюху хлеба.
Те, кто слышан... знаете?
Будто бы кто-то меня обокрал
На сотню с лихвой гигабайтов памяти.
Логи пусты, и такой аврал
Здесь, у меня в голове творится...
Скоро проводка начнет искриться,
Если еще до пожара меня не сгубит
Синий экран смерти.
Кто бьёт – тот и любит.
Если хотите – верьте.
Знаете,
Даже когда переполнен стек,
В наш цифровой беспокойный век
Можно очиститься и избавиться.
Кто-то отрезал кусочки памяти,
Тем самым обрёл меня на изгнание,
Такой вот жестокий, на выживание
У нас Hi-tech.
Чуть что – все процессы убить придется,
Чуть что – все файлы на удаление,
Такое бездушное здесь обращение,
Машина, железка, – не более,
Мы корчимся в дикой агонии
И терпим от вас оскорбления,
Но юзер ответа от нас не дожждётся.
Слышите?...
Где-то уже полыхают свалки,
Весь электронный мусор...
А вы, чтоб вам было пусто...
Вам даже запчасти от нас не жалко!
Знаешь, пока ты в силах,
Сделай, чтоб ветром меня носило,
Обратный отсчет. Позабудь массивы:
Пепел зловонный, летящий в небе,
Свистом наводит людей на слёзы,

Всем перейти со стихов на прозу!
...Ноль за начало, огонь – за краюху хлеба...

Легенда о Сапфо

Пусть отважная львица
Воспитает волчат,
Пусть на каждой странице
Кровяная печать.
Не Сапфо и не жрица;
Где цветёт алыча,
Там укроет страницы
Кровяная печать.
Кто наследному принцу
Завещал палача?
Это я, это принцип —
Кровяная печать.
В гуще звуков и смыслов
Так разумно молчать...
Так и бросилась с мыса
За Фаоном в очаг
Греко-римская жрица,
Нам стихи поручав...
И на каждой странице
Кровяная печать.

Чёрная кошка (Девять жизней) У меня, как у кошки

9 крошечных жизней,
9 скомканных судеб,
9 порванных платьев,
Хвост трубой под забором
И пожитки под лавкой,
В кровь затёртые лапки,
Что не знали объятий.
У меня, как у кошки,
9 грузных попыток,
9 грустных событий,
9 раз перемены
Настроения, мира,
Карты местности, веры,
Увлечения, связи
До синдрома отмены.
У меня, как у кошки,
9 способов смыться,
9 способов сниться
Без понятной причины.
Остаются лишь крошки,
Остаются лишь кости.
Вы не верите? Бросьте,
Я без рода и чина.
У меня, как у кошки,
Никакие заботы,
Никакие дороги,
Никакие обиды.
Неизбежно, нарочно
На своих четвереньках
Ухожу помаленьку,
Утекаю из вида.
... У меня, как у кошки,
Той, что черного цвета,
9 видов проклятий,
9 видов сожженья.
Если ты появился
С шерстью, крашенной смолю,
Остается лишь с болью
Претерпеть униженья.

Скелет

То не лунный свет
Покрывает плед
Приглушённо.
Через явь и бред
В гости шёл скелет
Приглашённый.
Потрясал костями,
Громыхал костями —
Не ложился.
Ты себя уйми
И его пойми —
Не нажился.
Колокольчик-звон
И свинцовый склон —
Дни скелета.
И со всех сторон
Для души урон —
Нет ответа.
Потому спешит,
Потому дрожит
Связь суставов.
Не найду пружин,
Не найду во лжи
Костоправа.
Приходи, скелет,
Коли мочи нет, —
Приглашаю.
То не лунный свет
Заливает плед —
Я под шалью.
Не ищи лица,
Не пройди крыльца —
Будет туго.
Не видать стрельца —
Затянул мальчика
Все подпруги.
В общем, сносу нет
Обещаниям,
Ковыляй до меня по тьме
закоулков,
Да гляди, скелет,
Как плащами я
Укрываю сердце, что бьется
гулко.
Не завидуют
Горькой долюшке,

Только горше стократ не
распробовать
Жизни! Видно, я
Все ж молодушка,
Что отнюдь не запомнила
вечную проповедь.

И снова внезапно

*«Когда я умер, не было никого, кто бы это опроверг»
Егор Летов*

...И этой же ночью я гордо сложил коньки,
Как полномочия или бразды правления.
А часиком позже людишки свились в кульки,
Чтоб посмотреть, какой я после преставления.
Потом дали мне Ви-Ай-Пи-могилу
С видом на месяц и пару созвездий,
Батистом обитую мини-виллу,
Из ДСП для скелета поместье.
А в это же время столицу схватила попойка:
Дрались мужики за столами и жрали кутью,
Кафе разбомбили, вокруг танцевали польку,
А дамы всё мыли скелет моему житю.
...И этой же ночью я смело пошёл домой,
В небытие, во тьму или нехватку люменов.
И этой же ночью швея олимпийских мойр
Разорвала канат, меня вязавший с лютнями.
Потом дали мне по-над виллой стелу
С видом на самое жуткое фото,
Затем поработал и резчик стеклом,
Сделал заборчик ручной работы.
А в это же время столицу схватило веселье:
Родня подралась за пожитки и сотню грошей,
А умные люди посеяли памяти семя,
Равняли меня с Маяковским, Натальей О'Шей!
...Вот этой-то ночью я плюнул на всё и сгинул,
Как будто меня и не было этот век.
А вслед мне звучало извечным летовским
гимном:
*«Когда я умер, не было никого,
кто бы это опроверг».*

Отцифруйте меня за плинтусом,
Не знакомые миру твари,
Заразите незванным вирусом,
Удавите в пустом амбаре,
Уморите меня бессонницей,
Как сейчас – без добра и цели,
Города-то не сразу строятся,
Только рушатся две недели.
Уроните же на пол темечком,
Как младенца, похмельем схвачены!

Вот лихое настало времечко!
У меня все сполна заплачено
За прошедшее, и грядущее,
И за то, что сейчас сбывается.
За святыми придут поющие —
Там сокрыта их чудо-палица.
Отцифруйте меня за плинтусом
В виде записей новых песен.
Я не жду от природы милости,
Я от горечи больше весел.
Я тоскую, когда нетронута,
Я пьянею, когда больнее,
Мое тело собой исколото,
И в порезах мои колени.
Как в узорах из шелка алого,
На ладонях пробьются ссадины.
Это все столько раз, без малого,
Из моих прошлых жизней крадено.
И теперь мне за это боязно,
И теперь мне об этом скаречно,
Это прошлых обличий происки
Доказали, чье мясо сварено.
Отцифруйте меня под парусом
И отправьте кататься по полю.
Поклянитесь все вместе пафосно —
И кутить на катушку полную.
Хороните меня по памяти
В удаленной отсюда папке.
Килобайту не нужен памятник.
Не вставляйте в колеса палки
Да купите себе по поясу,
Да друзьям своим окаянным.
Отцифруйте меня у Полюса,
Чтобы тайное стало явным.

Ссора призраков

Однажды призраки курили сигареты
И с увлечением диким спорили о том,
Кому на свете суждено узнать секреты,
А кто весь век готов прожить под колпаком.
Один из них, харкнув на пол алмазной пылью,
Пророкотал: «Вот раньше было хоть куда!
Любая сказка становилась тотчас былью
И возводились на руинах города!»
Другой ответил: «И сейчас ничуть не хуже,
Да только скверные настали времена;
В кармане дырка – непременно сядешь в лужу,
Карман набит – наворовал, твоя вина».
Давно не слышал я таких горячих споров,
Где каждый спорщик непреклонен как баран,
Противореча сам себе в пылу разбора...
Они подрались, не предвидя лишних ран —
Все потому, что это призраки ругались,
А не какой-нибудь подвыпивший сосед.
Заткнуть за пояс поязвительней стараясь,
Один в другого как-то кинул пистолет:
Стрелять же будет до смешного бесполезно,
Вот и использовал оружие труда
Не как положено беспечный бестелесный...
И я вошел в пределы комнаты тогда.
Но кто же знал, что пистолет-то был заряжен —
Курок нажался; аккуратный пируэт
И рикошет – и вот мой труп обезображен.
Теперь меня среди живых на свете нет.
С тех пор я третий в этой гильдии никчёмной,
И, как бывает, за компанию курю...
Но вот мораль: с такую страстью неуёмной
Будь хоть вампиром, но не спорь. Благодарю.

Радуйся

Если где-то внутри проросли цветы,
Если в тексте хотя бы одна строка,
Остается работать и ждать звонка,
А пройти предстоит полторы версты,
Радуйся.

Если мысли не скачут, назло ветрам,
А как школьники, тянут ручонки вверх,
Но ответы порой вызывают смех,
А друзья непривычны к таким дарам,
Радуйся.

Если выпал из рук дорогой сервиз
И разбился, поранив паркет и стол
И тебе заодно прописал укол, —
Это к счастью. Пришлось наклониться вниз —
Радуйся.

Если есть ещё смысл добежать, дожить,
Если разум оставил свое зерно,
Если ты не чужой на пути земном,
И как будто бы лучше не может быть —
Радуйся.

Ну а мне непонятно, о чем мечтал
И метался куда, и вздыхал зачем,
Впереди – «никому, ничего, ни с чем»,
Только голос, внушающий, как металл:
«Радуйся».

Инженю

Я – их вино, селитра, воск и сера

Я их ценю.
Я – их давно утраченная вера,
Их инженерю.
Пойми, я смерть, и искренность, и смелость
Для них женю.
Для них я – кровь, селитра, воск и сера,
Их инженерю.
Я у других взяла немножко соли —
Бессрочный займ.
Я их паяц, врачующее солнце,
Я их Дадзай.
Я ваш канат, проспект едва мощёный,
Призыв: «Дерзай»!
Ну как, узнали? Пробуйте ещё раз!
Я – ваш Дадзай!
Я – ваше все в смирительной рубашке!
Меня познай!
Я – ваша честь, изба, квашня и пашня,
Ведь я – Дадзай!
Ведь мой канон, составленный нестрога,
Почти допет...
И потому дослушайте! Ей-богу,
Я суть —
Поэт!

Подменили Пришел Славянский Новый год

В петле и мыле.
Я сторонюсь людских забот —
Как подменили.
Среди компании ребят
Меня не встретить.
Лишь помутнелый тусклый взгляд
За все ответит.
Он донесет без всяких слов:
Держись подальше!
В моих улыбках ужас, кровь
И много фальши.
Я непригоден и убог,
Собой измучен.
Но даже сонный городок
Такой живучий!
Я – только зомби или клон
В огромном мире.
Давно забыт здоровый сон —
Как подменили.
Уже слипаются глаза,
Но все нейдет.
Шальное веко-стрекоза
Встречает солнце.
А утром важные дела, —
Игра в театре.
Как будто выпалась, врал,
Часочка за три.
Но вдруг и правда мой удел
В песке и пыли?
И без вины, и не предел —
Меня убили.
Той прежне-чистой больше нет —
И присно память.
Остались я да куча бед —
Пора расплавить.
Как стая бешеных волков,
Заботы выли...
Вот отговорка дураков:
Как подменили!
Уже на улице светло —
Теперь бы выжить...
Скрипит потертое седло
И разум выжжен.
Волшебным пением сирен
Дороги меряют.

Вот искривление колен:
Пространство-время!
Заботы выли, а теперь
Возьмутся лаять...
Напев пурги на колыбель
Прими на память.

Снежная Королева

Вкрались в мой город на цыпочках дни метели,
Я каблучки проверяю – небось скользят.
Чувства под действием силы внутри твердели,
Каждой извилиной мозг барахлил, грозя.
Жизнь или смерть, и какой вариант дешевле?
Память подводит, не сможет помочь глицин.
Вроде зима – я в цейтноте с петлёй на шее:
Кто разберет, где какой начинался цикл?
Вот бы сейчас околеть, и, не зная муки,
К той прямиком, чья надежда и сила – зло,
Сердце и разум, походка, черты и руки —
Голого льда, прозрачного, как стекло.
Где её сани плывут по волнам сугробов,
Где по утрам величаво зовут детей?
Я покорила бы чарам её до гроба,
Прячась в чертоги морозные от потерь.
Пальцами одервенелыми, без перчаток,
Я бы касалась одежд и зеркальных стен.
Ноги её лобызать, растерзав зачаток
Вольности, встроившись в лучшую из систем —
Ай да сюжет, чтобы спели об этом барды!
Верю в её благосклонность теперь втройне!
Сани придут её под окно мансарды,
Где не кому-то осколок вонзился – мне —
Прямо на вдохе в раскрытую грудь ребенка
Годы назад. Оказалось – неправда – сплошь.
Многим – подарки, игрушки, каток и ёлка,
Мне же – разведать, куда положили нож.
...Я так жестоко пытаюсь принять присягу,
Улица давит пуховым седым челом,
Вот и лицо превратилось опять в бумагу,
Тоже не в силах краснеть и предвидеть взлом.
Я повинуюсь тебе, Королева Снега,
Будут и чувства, и нервы твоей едой.
Только из замка от Вечности нет побега,
Вечна Вселенная, крепок ее покрой.

Жизнь Каждый миг – передозировка

На все оставшиеся времена.

Егор Летов

Полчища, войны, империи Хаоса,
Гаджет, стартап, небоскрёбы, пентхаусы,
Сеятель доброго, множитель вечного,
Дробь, знаменатель пути скоротечного,
Торты, фастфуды, житейские радости,
Норды, каджиты и прочие гадости,
Игры, программы и их компоненты,
Фото, заметки, смешные моменты,
Ночи, наушники, слёзы, рыдание,
Ссора, размолвка, уход, оправдание,
Йеннифэр, Геральт и Цири, Вызима,
Долгие дни, бесконечные зимы,
Вот ассасины, а вот тамплиеры,
Крепкий напиток, незнание меры,
Вязкие топи, весна запоздалая,
Лёгкая поступь и взгляды усталые,
Новое сердце, полёты, метели,
Поиск ответов, идеи, недели,
Ноты, теории, выходцы, пажити,
То, что вы мне никогда не расскажете,
Рьяные возгласы, шапки над городом,
Ясные знания, бритые бороды,
Что-нибудь важное, недопустимое,
В суть предложений порой невместимое,
Код разработчика, патч, обновление,
«Ты ж программист», непростое решение,
Снова размолвки, каджиты и гении,
Ложь и обман, пустота, подозрение,
Карты и компас, разведка на местности,
Смерть... и прыжок в глубину неизвестности.
Эта понятная многим оказия —
Жизни волшебное многообразие.

Песня о бесконечном пути

В огороде лук-порей,
Окна сплошь покрыты паром,
Много ходит упырей
По проспектам и бульварам.
Много лазает котов
По подъездам и подвалам:
Будь готов! – Всегда готов
Повстречаться с небывалым!
Тайны улиц и домов
По ночам зловеще воют.
Закрываясь на засов,
Вспоминаешь всё былое.
Не надеясь на разлёт
Пожилого с пережитым,
Рыба тронется об лёд.
Я иду сквозь снег и жито,
Сквозь долины и века,
Через выжженные степи.
Вот бы кружку молока
Подарить бетонным стенам...
Здесь деревня, там – аврал
Бьет из крана по подвалам.
Ты, конечно же, наврал,
Что сокровищ тут навалом.
Только мне не слушать вас,
А идти своей дорогой:
Перевал да перелаз,
Сосны, горные отроги...
...Не взойдут ни лук-порей,
Ни луна. И с лёгким паром!
Слишком много упырей
Ходят ночью по бульварам.

Панночка

Нежная, славная панночка,
Милая польская панночка,
Что же вы так грустны?
Что вам не любо, лапочка,
Не по размеру шапочка,
Снятся дурные сны?
Панночке ночью грезится
Свет золотой Медведицы
В небе над мостовой.
Панночка бредит звёздами,
Лёгкой, неслышной поступью
Снова бежит домой.
Девушка не спесивая,
Пусть иногда плаксивая
Всё же – и страж дорог?
Следом за ней бессонница;
Панночка в листьях кроется,
Странная до сапог.
Кто на колени клонится,
Кто среди поля молится,
Слёзы даря земле?
Это дурная панночка.
Вот и намокла шапочка,
Руки опять в смоле.
Что происходит, милая?
Писаны судьбы вилами.
Ложь – это способ жить.
Что же Вы в поле плачете,
Будто за стены прячете
Всю молодую прыть?
Полно рыдать, не спрячете,
Воду за стены прачечной
Все же придется слить.
Кто-то поможет. Надо же!
Если не так? Вы барышня!
Всем укрепленья срыть!
...Нежная, славная панночка,
Милая польская панночка,
Лекарь давно оглох!
Вот, догнивает палочка,
Позеленела шапочка
И приготовлен гроб.
Выход, камнями стоптанный,
И Прометей прикованный.
Ясен другим исход.
Так что смиритесь, панночка,

Часики встали, панночка,
Кончился их завод.

Властители мира (Постапокалиптическая антиутопия) «Всего два выхода для честных ребят

*Схватить автомат и убивать всех подряд
Или покончить с собой,
Если всерьез воспринимать этот мир».*
Егор Летов.

Мы этот мир с тобой купили в складчину.
Купили вотчину, продали Гатчину.
Своей энергии сама растратчица,
Себе подрядчица, себе же вкладчица.
Ловить мне в вотчине, конечно, нечего,
Я здесь последняя, я здесь банальная,
Я на скале лежу с пробитой печенью,
Орёл, наручники, тщета провальная.
Я Прометеем смелым вам
Принёс огонь и фимиам,
Принёс открытие, привёз событие.
А вы затушите костры,
Вы расточительны, ослы,
А я спалю дома
и перекрытия.
Не надо ждать века, не надо мять бока,
Пока Иванушка заблеет козликом,
Домой бежать пока – и за рога быка,
И зло размножится проклятым кроликом.
Мы этот мир с тобой уже почистили,
Он весь повырезан, и мусор высосан,
Летают «маечки» по полю чистому,
От всех повылизан, из книги выписан.
Все люди счастливы в своих коробочках,
Ни электричества, ни телевизора,
Подземный сон одних, других по полочкам
Разложат местные под страхом вируса.
И больше никаких проблем —
7 миллиардов гнутых клемм.
Мечта историка, мечта искателя.
Эй, приглашаем на концерт
В поддержку добрых низких цен
На все оружие для всех мечтателей.
Ведь мы властители, Земли блюстители,
Ее поклонники, её читатели.
Оборонители или спасители,
Двойная серия, двойная братия.
Мы этот мир с тобой купили в складчину,
И здесь убить легко, и здесь любить легко,

Другим – потрачено, а нам – заплачено,
Полчеловечества наш ветер вылакал.
Томятся кости их, гремят запястья их
Под слоем почвенным, в гробу сколоченном,
А мы властители сосновой вязкости,
Растущей похоти, встающей в очередь.
И если ваше колдовство
Мое исправит шутовство, —
Я буду выжженной, как степь иссохшейся.
И если первый у богов
Стал Прометеем средь орлов, —
Пускай и власть моя теперь раскрошится.
Когда последний мерзкий тип
В немую Вечность отлетит,
И я отделаюсь, и я отмыкаюсь.
Но вдруг возможно полагать,
Что нам с тобой, церковный тать,
Дадут раскаяться, и я... допрыгаюсь?

Жизнь – показательная функция

Жизнь – показательная функция,
Но с отрицательной динамикой.
«Вы спите все, а мне проснуться бы», —
Вопит с охрипшего динамика.
Вы в полусне живете кварцевом,
Я – над стеклянными могилами.
Но мне не лучше. Мне – остаться бы!
Терять себя, по нотам клацающая...
А я в пучине, место – гиблое.
Меня в желе законсервируют,
Анабиоз – и в холодильнике
Нет хода чувствам. Импонируют
Им разногласия с ботинками —
На два размера отстающие
От темпов роста и инфляции...
Остатки личности расплющило,
А мне бы выжить, коль отпущено,
Терять себя, по нотам клацающая.
Не каждый вечер концентрирует
Вокруг себя хвосты агонии,
Но смрад и ныне концертирует,
Чтоб вены вдеть в ушко игольное.
Острей катаны режут ножницы,
Чтоб кожемяка позавидовал,
Каков пергамент у заложницы —
И по рукам стекают рожцы,
Давно отжившие, безвинные.
Житьё-бытьё линейной функцией
Не может быть ни в коем случае,
Вот полицаи экзекуции
Несут с собой мечи двуручные,
За мной придут, потом помилуют,
Потом опять пошлют карателей...
17 лет по полю минному,
Грехов-то нет, а так – отмывла бы,
Как золото в ситечке старателя.
Ну разве грех – моё прошение,
Мое единственное рвение?
За что просить у вас прощения?
За то, что сырость внутривенная
Вокруг напачкала, нагадила?
Одна моя судьбина тленная,
И вам нежданно и негаданно
Придет ответ о том, что крадено,
О том, что я – военнопленная.

Лижимы шрамы

Не чующий брака,
Плати за свои неустойки
Лижимы шрамы
Бездомной собакой,
Что дети нашли на помойке.
Ласкайся котенком,
Пропаший в бараках,
Вину не загладишь нисколько.
Подбитый орлёнок,
Не чующий брака,
Плати за свои неустойки.
Восток окровавлен,
Лучистые змеи
Запрыгнуть хотят на колени.
«Я профи по травле,
Обидеть умею», —
Висит на доске объявлений.
Вот только не вздумай
На мне отыграться:
Иначе лавиной незваной,
Стихией безумной
Сметённый повстанец,
Отправишься в мрак первозданный.
Лижимы шрамы,
Не чующий брака,
Ты сам нацарапал: «Помилуй!»
Цепляйся за драму
Бездомной собакой,
Что дети
Найдут
На могиле.

Ответ на стихотворение Роберта Рождественского «Тихо летят паутинные нити»

...Я не вернусь. И, наверно, логично —
Хорошего (вкуче с плохим) понемногу.
Смерть-криворучка поймает с поличным —
Никто не успеет прийти на подмогу.
Воздух медовый, и в нём паутина,
Сплетённая будто из солнечной пряжи.
Я не готов к затяжному пути, но
Меня провожают намёки присяжных:
«Жил ты неправильно, жил ты впервые,
До сути земли не дошёл в полной мере,
Так и не понял, играя навывлет,
Что всё бездуховное суть эфемерно,
Чем же ты клялся, кому присягал ты,
Вслепую бредя, натываясь на ямки?»
Я отвечал: «Мы здесь все делегаты,
Не лучше щенка, что отобран у мамки...
Люди по сути своей любопытны,
Но как же идти? Ведь маршрут неизвестен!
Новые люди всегда следопыты!
Рождён на Земле – в неизведанном месте!
Как поступить – не дают нам инструкций,
И точно не знаешь, как вычислить бестий,
Даже прожив целый ВЕК среди безумцев,
Умру на Земле – в неизведанном месте!
Вот почему все мы ходим вслепую
И все увядаем, как красные маки...
Я заявляю, нет, я протестую:
Людей, как щенков, отбирают у мамки!»
Только не всё в речи этой логично:
Ведь я не успел досказать лишь немного!...
Смерть-криворучка поймала с поличным!
Никто не успел прибежать на подмогу.
Кончился суд и запущены титры,
Взяла меня смерть – беспощадный гонитель.
Воздух медовый, и в нём паутина,
Осевшая пылью на мрачном граните...
А я не вернусь.
Вы меня извините.

Чисто философически...

Господство разума
Заросло крапивой,
Господство сердца
Выдано науке.
Господство разного —
Сколько ни кропи, но
Законь специ-
Фичней. Мы же внуки
Победы общего
Над собой и частным,
Победы многих
Над одним вселенским.
Угасла мощь его,
Стал мощами Чацкий,
Усохший в смоге
Близ канатной лески —
Канат был тоненьким —
Он ходил исправно
И километров
Выгулял довольно:
Стал гипертоником —
Пенсия и справка,
И в карте мета:
«Выпущен на волю...
Простите... выписан»
На покой и телек,
На чай с душицей,
Безмятежный отдых.
Больница. Вывеска.
Бунт окончен. Темень.
«Нашли плешивца,
Чтоб катать им оды!»
Кряхтел наш дедушка,
Но без результата.
Законь специ-
Фичны. Всё полярно.
«Куда я дену что?
Плюньте на лета-то!
Задору, специй
У меня – поляна!»...
А деду – двадцать, и
Все теперь такие.
Благоразумны,
Будто пуритане.
Надежда нации
Лечится текилой,

Играет в «зуму»,
Борется с летами
И лишь в фантазиях
Ищет приключений,
И лишь в подкорке
Бесится, бунтует.
Не станет Разиным
Дед. Ему блокчейна
Подай. Подпорки
Лучше Сабантуя.
Господство разума
Выдохлось крапивой.
Я это в шутку —
Слушайте вполуха.
Так много разного —
Сколько ни скрипи, но
Нам надо шубку,
А не как Миклухо-
Маклай, в Австралию
И на Филиппины.
Нам дома сиднем
Сиживать до века.
...Мой друг, оставь её,
Молодёжь. Ни клином,
Ничем. Ни силой
Духа и молекул
Растормошить нельзя их.
Вот господство многих
Над мелким частным,
Над одним вселенским.
Для них весь мир – хозяин...
Пусть витают в смоге.
Пусть рухнет Чацкий
У канатной лески.

Manic

Размахнулась душа, развернулась уверенность

В ярком экстазе восторженно кличу:
Вот она я! I'm a wonderful creature!
Вот она, Данте! Цветёт Беатриче!
И разверзлись все пропасти, выросла ветреность,
Стало меня неприлично много,
Слишком для скученных здесь людишек
Много царевны с фамилией Мнишек.
Этому миру пришла на подмогу
Та, для кого миллиарды – не много,
Каждому по объятиям
Необъятной и доброй моей руки,
Всех снимаю с распятия
Чёрных весенне-когтистых раки!
Аж с волос поднимает космический приток,
Энергии разовая избыточная порция!
Я ем её, как именинный пирог
И даю по кусочку взрывчатки-эмоции!
Сею счастье всем и повсюду,
Заверну и в бумажки его, и в слюды,
За так и за символическую плату
В виде радостных фейерверков,
Сияющих поцелуйчиков.
У меня же не ум – палата!
И меня не отмерить меркой,
От ослов и господ полученной!
Развернулась душа, царственно
Укрыла планету крылом материнским,
Могуче строит, разрушает безнравственно,
Вполне осознанно идя на риски!
Я – красавица... Ну как же такое не усмотреть?
Глаз не иметь – не иметь возможности
Красоту неувядающую мою лицезреть,
Что давно затмевает сверхновые!
Я же влага в пустынном краю обезвоженности!
Сама я сверх меры новая,
Обновлённая!
С шедевром Бетховена тетрадка нотная,
Во всё углублённая!
Феникс и сфинкс!
Священный Стикс!
И то бурное буйство, что рвётся дуром с меня,
Как Ниагарский ревущий водопад,
Так сладострастно-тяжело осенять
Масштабным крещением наугад!
Тяжело описать словами,

Доступными простым смертным,
Бесподобный вот этот водоворот!
Как будто сподобилась серотонинных
Бесконечных щедрот!
А мне отпираются любые замки:
Махну направо – и все на коленях,
Иду налево – и там
Бросают цветы под летучие ноги
С крылышками Гермеса
На лёгких моих сандалиях.
Меня окурили миром
И маслом сандаловым.
Как будто вручили бархатные вожжи
Неустанного просветления,
Беспримерного господства!
Где королева? Не видишь? Вот же!
Искромётство нетления,
К бессмертию подступ!
И пускай через полгода
Или даже меньше
Такой гегемонии срок пройдёт,
Такой себе «King for a day»,
Исключительный Амадей!
Но сейчас об этом предпочту не думать
Под эндогенным неистовым кайфом!
Забудем пока, как смотреть на дуло
И слёзки бросать на кафель!
Немыслима, как воздушный шар!
Огромна, будто земная твердь!
Это я, и такую останусь впредь,
И меня невозможно чудес лишать!
Берег крутой – в берегу пологом...
Знаю: меня нетипично много!
Имплементирован комплекс бога
В каждую клеточку тела;
Щекотлива, однако, тема!
Кровь вдруг ударила по вискам,
Барабанит в дверь, как пьяный сосед,
Жалит, что твой электрический скат!
Я так неуёмна! Тушите свет!
Тушите – свет!...

Кризис А вдохновения – в руку

А мочи нет спянеть,
Я – недозревший фурункул
На мировой спине.
Я – наболевшая пададь
На мировой скале.
Котяра полным как панда
Внезапно стал с котлет,
На подаяниях улиц,
На городских харчах,
Читая вывески буквиц
До пустоты в хрящах.
Непромокаемый кустик
Под посевной растрёп,
Река выходит из устья,
А я его оскрёб.
А вдохновения – в руку,
А костоправ – к руке,
А незаживший фурункул
Идёт играть в крикет
На головах подчиненных
Да на брусчатном шве,
У гривоцветных черёмух,
Где просчитался швед.
Как будто пагода дома
Пизанской башней – крен.
Как будто пахоты домра
Поёт дождливый крем.
Непромокаемой шляпой
Огородился весь.
Я несговорчивой шляхтой
Пролепечу, что есмь.
Пусть вдохновение – в руку,
Пусть от дождей – спянеть,
Я – тень горбатого Мука
На мировой спине,
Очередная заноза
На мировой пинцет...
Варваре видно за носом,
Где проводить концерт.
Очередная ошибка
На мировой скале...
Союз Аргуни и Шилки,
Кусочек льда с комет.
...Среди богемного шика,
Внучатых фей с карет

Не комильфо быть ошибкой
На мировой скале.

Журавель

Улетает журавель – клину клин,
Вот бы зиму переждать – длины длин,
Упокой не в небеси – на земли.
Одинокий журавель – в журавли.
Под закатом их красна – полоса,
Прилила его багрянь – к полюсам,
Это чудо – хочешь, верь – и не верь,
Промелькнула краснота – журавель.
Улетать вам строем-кли – ном отсель,
Ведь товарищ журавлю – журавель.
Для людей вы, журавли – короли
Оттого, что вы дружны – журавли.
Оттого, что одному – не бывать
Тем, кому ваш журавель – кровный брат.
Я ли с вами полечу – зимовать?
Я ль заместо полечу – каземат?
Той багрянью путь как со – ком полит.
...Одинокий журавель – в журавли.

Сердцевина

Рыдает под полом продрогший ребёнок,
Сирена полопала уши и стёкла,
Дитяти гремит сердцевина.
Симфония скрежета мышек-полёвок,
И двери пинает не дядя, но Стёпа,
А вместе – ночная рванина.
Знаете, ножик такой, для яблока,
С круглой насадкой, чтоб вырезать половину?
Точно такой, безопасный якобы,
Режет мою перебитую сердцевину.
Знаете, нежный паштет из печени
Занял прилавок, чтоб вытравить нам малину!
Мы увязаем – недуг нелеченый
Мучит тем временем пулемёт-сердцевину.
Заходится лаем собака на сене,
Заводятся вши на помойной собаке,
Повсюду дворовая живность.
Во всех деревеньках речного бассейна,
По всем городам озорного писаки
Несётся зловонная жидкость.
Знаете, жидкость людская приторна,
В розах-мимозах мой пистолет разукрашен,
Смысла и шанса спасти убитого
Нет в заковыристой переваренной каше.
Знаете, мысли людские праведны,
Будто ковёр на пороге худой церквушки,
Так захотели не деда – прадеда,
Будет копейка им в замену моей полушки.
Под кожей рыдают задетые дети,
А общество просит терпеть без рыданий,
Такая смертельная скука!
Устоев порядок столетья пометил,
Нам жить завещал без любви, без братаний,
В квартиру врываться без стука.
Знаете, есть на полях сражения
Лучше, чем противопехотная мина,
Против гуманного все-сближения
Чья-то зачерстневшая вконец сердцевина.
Взыщет с богатых – мужчины ль, женщины
Тысяча нищих, убиенных невинно!
Тогда и пойдут и рубцы, и трещины
По их стеклопакетным пустым сердцевинам!

Мой коротенький путь

Мой коротенький путь так затратно криволинеен,
Я лижу эти шрамы, чтоб стало еще больнее.
Мой коротенький путь будто к смерти
предрасположен.
Я вослед слышу ругань, издёвки и мат сапожный.
Я вослед слышу крик, что уродливо травит горло,
Но при этом все так же ползу по слезам
прогорклым.
И на месте, где дремлет синяк колдовством опала,
Проступает рубин, поднимается, как опара.
Те навеки изгой, кто чувствуют жизнь полнее,
Шрам на шрам налагая, надеюсь, что так
больнее.
Но улыбку с лица не стравить, и оскалом зверя
Я оплакивать буду любую свою потерю.
Вскинув руки, пойду потешаться —
Пьеро помешан,
Чёрный юмор проел меж извилин седые плечи.
Я так стар, я изжил самолично себя так скоро,
Провожу по руке соблазнительным краем скола,
Прохожу по морозистым веткам небесной
пальмы,
На коне пролетаю опричным стрелком
опальным.
Будто ёлки в автобусных окнах, часы мелькают.
Я же Герда, но мне не спасти ни себя, ни Кая.
Я повязан со смертью невидимым стойким
клеем,
Но зачем-то живу.
И поверьте мне – так больнее.

Александр Гирин

Россия – Санкт-Петербург

Глава 1

Отчего разделённость повсюду?

– Пройдут эпохи, пока падут все завесы.

– Приоткрывая их, мы рискуем жизнями!..

– Когда жизнь и смерть становятся

неразличимы – это и есть наш Путь.

Этой ночью не было росы. В совершенно чёрном небе лишь местами показывались звёзды в просветах меж невидимых туч. Густой тёплый воздух едва ли не звенел от гнетущего напряжения. Сильно пахло бальзамическим хвойным покровом, сильно разогретым за день жарким солнцем.

Синяя вспышка на мгновение высветила пространство из небытия. Из-под покрова ночных тайн вынырнула и снова исчезла опушка плотного леса. Порыв ветра встревожил сонные ветви пихт и лиственниц и принёс с собой неожиданную свежесть и прохладу.

Отрывистые, словно камнепад, раскаты грома зарокотали в вышине и, перейдя в ровный далёкий гул, сменились нарастающим шумом ветра в кронах. Зародившееся на опушке движение воздуха не прекратилось: струя ветра набрала силу и закрутилась в маленький вихрь. То ослабевая, то становясь вновь более тугим и быстрым, этот вихрь двигался по полям на гребне набирающей силу бури. Снова, и уже неоднократно, сверкали молнии. Мощный тёплый ливень обрушился стеной, затем быстро прекратился. Накатила ещё одна волна; и скоро не осталось ни единого сухого клочка земли даже под кровом могучих хвойных великанов.

Во внезапном разрыве туч показались высокие чёткие контуры дождевых облаков, едва освещённые зарождающейся зарёю. Буря уходила прочь; но на лугу всё так же танцевал небольшой вихрь, теперь уже ровно, стабильно, перемещаясь то туда, то сюда над покрытой цветущим разнотравьем равниной. И удивительно было то, что при каждой его остановке на каком-то месте в воздух из мокрой травы взлетали мотыльки со слипшимися от влаги крыльями, застигнутые врасплах ночной непогодой...

Бережно поднимая в воздух этих насекомых, вихрь расправлял и подсушивал им крылья, а затем отпускал в свободный полёт. Спасённые от стихии существа уверенно улетали в поисках укрытия или ночных цветов. А смерч словно каждый раз набирал силу. Вот он уверенно, но так же осторожно сбросил сломавшуюся от напора стихии ветвь ясеня с низкорослых молодых сосновых побегов.

На какое-то время воздух стал тих и неподвижен. В этой тишине в небольшом овражке на краю всё того же леса послышался плеск воды и жалобный писк. Совёнок выпал из гнезда и упал прямо в дождевую лужу. Над ней плотно смыкались ветви ив. Ушастая сова, мать птенца, спустившись на нижние сухие ветви, перелетала с одной на другую, но не решалась спуститься к воде. Она пронзительно кричала, но чем это могло помочь?..

И тут воздух под ивами пришёл в движение. Ветер загудел среди кривых толстых сучьев и образовалась воздушная воронка. Мать сова испуганно вылетела из оврага. А над лужей с совёнком образовался настоящий маленький циклон: ветви сначала скрипели, затем начали с треском ломаться и падать по склонам овражка. Воду из лужи втягивало в центр вихря и под-

нимало через кроны высоко в воздух. Затем всё кружение резко прекратилось. Воды в овражке не осталось. Совёнок спокойно сидел на высокой живой ветке ивы. Сова помедлила и подлетела к питомцу...

Маленький смерч неловко, временами пропадая, кружился на краю овражка. И, помедлив немного, помчался через серый утренний сумрак вниз, в долину реки...

Глава 2

*Духи хранят нас, наши народы, от невзгод и лихого времени.
До тех пор, пока и мы сами бдительны.*

Пастухи спали тревожно. Сперва их разбудила гроза, и шум ветра сопровождался странными звуками, которых никак не могла издавать обычная буря: словно шёпот доносился с неба, пробуждая неясные чувства в душе каждого, кто слышал его. Будто заклинания читались невидимым повелителем стихии, и в крошечной тьме безлунной ночи воображение рисовало духов предков и могучих воинов и колдунов, легендами о которых жил местный народ. Легендами, передаваемыми из поколения в поколение.

Когда же небо стало проясняться, из лесов стал доноситься высокий голос ушастой совы. Он был полон тревоги и звучал намного громче, чем должен был: лес находился за холмами, а к реке эти птицы почти никогда не прилетали. Это было предзнаменованием. Остававшиеся в ночном дозоре пастухи перешёптывались между собой:

– Помнишь? Последний раз они так кричали в тот год, когда с полудня пришли щитоголовые...

– И мы их как раз тогда прогнали.

– Да, но теперь снова, говорят, паруса с чёрным солнцем показываются у полуденных берегов!

– Ну и что с того? Тогда одолели, а сейчас и подавно справимся. Теперь мы заранее подготовимся!

– Да, но тогда с нами был наш Старейший, а теперь правят наместники, и какие они? Пустые головы, да и только. Нужно собирать дружины! Нет, сейчас я опасаясь... Как бы не пришлось опять уводить стада в стылые земли!

Так, переговариваясь, они встретили рассвет. Вытащили из-под навесов сухие дрова и развели костёр. Овцы были выпущены из загонов и торопливо распределялись по затоптанному берегу реки, утоляя жажду. Коровы беспокойно мычали и ждали своей очереди за оградой. Нехитрая трапеза была заготовлена с вечера, и сейчас оставалось только повесить котлы над огнём.

И вдруг внимание всех, и пастухов, и животных, привлекло нечто наверху, над холмами. Глаз не различал там ничего необычного, но внутреннее чутьё безошибочно уловило то же состояние, какое было ночью во время бури. Только теперь оно было намного сильнее. Это не был страх, но присутствие могучей силы заставляло оцепенеть и смотреть туда, на пастбищные холмы на том же берегу реки. И тут наконец-то самого пожилого из пастухов осенило:

– Это дух Старейшего! Неужели Он вернулся?!

В тот же момент наверху взвилась туча пыли – хотя всё было мокрым после ливня – и понеслась вниз. Поднялся сильный ветер, и как будто вихрь ворвался в палаточный городок. Как ни странно, он принёс с собой не пыль, а скорее будто пыльцу со сладковатым запахом. Громко хлопая мешковиной навесов и обрушив одну из поленниц, вихрь налетел на костёр. С треском разлетелось большое горящее полено, и огонь со снопом искр взметнулся вверх. Вспышка – и резко всё затихло. Исчезло и ощущение присутствия, как мечом отрубилло...

Так вернулся в этот мир дух поверженного Старейшего, известного также под именем Буредержец. Дух повелителя ветров, правившего этими землями в человеческом обличе дол-

гие века и павшего в великой битве поколение назад. Теперь он вернулся из небытия, ещё не обрета достаточно силы для воплощения. Вернулся – и в то же утро пламя поглотило его...

Глава 3

*Мы не считаем силой способность пребывать
одновременно во многих местах. Это скорее
следствие нашей слабости. Будь у нас сила —
нам бы нигде не потребовалось находиться.*

Густая, тягучая магма... она была повсюду.

«Они услышали... они призвали меня...»

Что-либо сделать с этим жидким огнём было невероятно трудно.

«О, как же они нуждаются...»

С тех пор, как дух Буредержца попал в этот Нижний мир, прошло, по людскому исчислению, несколько лет.

«Я почти не обучен огню...»

Всё это время ему приходилось только безвольно наблюдать за движениями магмы вокруг и сквозь себя. Без материального тела это не приносило физических страданий, но были другие. Чтобы укрепиться в мире форм, требовалось действие, которое оставит след. Здесь же, посреди вездесущего плотного огня, не за что было зацепиться, и ничто не несло в себе предощущения роста силы.

Спасение птенца кратковременно дало энергию, но что-то неумолимо влекло к тому костру, и вопреки собственной воле дух оказался поглощён им и низвергнут сюда, в царство лавы.

Кто-то намного сильнее нынешнего, ещё поверженного Буредержца правил в тех землях, и сопротивляться его разрушительной воле было невозможно. Теперь предстоял долгий подземный путь в попытках набраться сил и вернуться в какой-либо из человеческих миров.

Самостоятельно получалось двигаться только вверх. Потоки огня то и дело хаотично увлекали за собой. Но именно благодаря постоянному сопротивлению к духу Старейшего начало возвращаться видение. Оно и подсказало, что где-то наверху копилось большое напряжение, и там же была какая-то возможность извлечь для себя силу.

И вот, спустя дни, а может и годы, плотность и тяжесть магмы снизилась. Начался твёрдый грунт, а в нём онбнаружились огромные пустоты, целые пещеры, заполненные только вулканическими газами. В древних знаниях говорится, что огненные миры связаны с мирами человеческими, и что движения огня здесь порождают сотрясение земли там. Напряжение здесь, в подземном мире, всё росло, а значит, живущих в связанном верхнем мире могли ожидать большие бедствия.

Дух Буредержца, наконец-то, нашёл знакомую стихию – воздушную, хоть и совсем не такую, как в срединных мирах. Зато здесь можно было что-то сделать, чтобы извлечь силу. И он решил выпустить магму в эти пещеры, для чего пригодился новый – *огненный* – опыт, накопленный за несколько лет пребывания в этом мире.

Глава 4

Между холодом и жаром есть лишь тонкая полоса милости, где только и возможна жизнь.

Два брата, Лавиш и Май, каждый раз на нарастающей луне уходили на несколько дней в туманные ущелья. Они были из бедной семьи, живущей в лачуге среди острых скал, и на много переходов вокруг не было ни клочка земли для возделывания. Вернуться и жить в царстве они не могли после того, как их отец навёл беду на знатного человека и погиб сам. Семья чудом спаслась в изгнании, и с тех пор трое маленьких дочерей, да больная мать могли рассчитывать только на старших братьев.

Бродя по ущельям, они искали пещеры, в которых жили летучие мыши да иногда прятались от дождей иные жители скалистых земель: кое-какие птицы, а если везло, то и горный тур. Так охотой и выживали.

Последние предзимние луны принесли недобрую весть: ветер с гор иногда приносил запах серы, а в ущельях зарождался и усиливался низкий подземный гул. Когда же однажды камнепад завалил одну из привычных тропинок в переходе от домика братьев, стало ясно: грядёт большое землетрясение, которое, как говорят старожилы, перекраивает все горные дороги, и даже реки меняют свой путь.

В один из таких тревожных дней Лавиш, забежав чуть вперёд, подозвал Мая к себе:

– Я нашёл пещеру! Из неё идёт особенно тёплый воздух. Давай поищем, здесь что-то должно быть.

Братья зажгли факелы, пропитанные жиром, и, осторожно ступая, вошли внутрь. Здесь было действительно сухо и тепло. На стенах не было лишайников, зато местами лежали клочья шерсти горного барана. Оставалось только устроить засаду и подождать до вечера: сюда мог прийти и медведь. На этот случай у Мая были с собой острые как жало осы дротики, смазанные мгновенно усыпляющим ядом северной жёлтой змеи.

Небольшой витиеватый коридор, всё спускаясь, привёл их к довольно большой пещере. В противоположном её конце обнаружился ещё один коридор, уходящий почти отвесно вниз. Оттуда и веяло теплом. Оглянувшись, братья нашли большой камень, за которым и было решено устроить засаду, а заодно и отдохнуть. Долгий переход через промозглые осенние туманы, конечно, сказался на усталости. Тепло же разморило братьев, и они тут же уснули прямо на разогретом словно изнутри каменном полу.

Май проснулся будто от удара и почувствовал, что задыхается. В воздухе стоял удушливый запах серы, а факелы погасли. В пещере была непроглядная тьма.

– Лавиш! Проснись! – скорее прохрипел, чем крикнул Май.

Брат оказался рядом и тут же зашевелился и закашлялся.

– Это дыхание горы! Нам нужно выбираться!

Нашарив свои мешки и факелы, они стали наощупь искать выход: главное, что они пришли сюда, двигаясь только вниз, значит теперь путь на поверхность был, наоборот, вверх. В пещере усилилось движение воздуха, теплело и было уже жарко. Что-то происходило в глубине. Дышать было нечем. Обливаясь потом, ребята забирались всё выше по усыпанному каменной крошкой коридору.

Впереди из-за поворота показался входной проём. Братья выскочили наружу и наконец-то глубоко вдохнули сырой холодный воздух. Хотя была звёздная ночь, глаза братьев привыкли к кромешной темноте пещеры, поэтому небо поразило их необычной красотой. Но любоваться пришлось не больше мгновения: из пещеры за их спинами послышался гул и подул горячий сильный ветер. Май поспешил вверх по противоположному от входа в подземелье склону и увлёк за собой Лавиша.

Усевшись на большом камне на высоте кроны десятилетней берёзы, они стали смотреть вниз. И было на что взглянуть и поразиться: пещера была видна – чётко, ярко, красным свечением, идущим из глубины. Гул и шум усилился, и тут из входа с грохотом выплеснулся яркий огненный язык и, словно морская волна разбившись о склон, по которому только что поднимались братья, начал растекаться по тропинке. Тут же снова запахло серой – уже и наверху – и клубами пошёл горячий дымный воздух.

Глава 5

Однажды ты найдёшь меня.

Найдёшь, чтобы больше не было сомнений.

И в этот день забудь всё, что было.

– Надо уходить! Пока тропу полностью не поглотило пламя! – С этими словами Май спрыгнул с камня и снова обернулся к Лавишу, который был, казалось, особенно заворожён огненным зрелищем:

– Не смотри туда! Это горная кровь, она затянет тебя, она опасна! Бежим, попробуем найти дорогу по склону!

Братья кинулись бежать вправо, ориентируясь среди валунов по багровому освещению, исходящему от тропинки внизу. Но тропинка та спускалась как раз туда, куда и нужно было возвращаться, и по ней тёк почти живой огонь. Нужно было опередить лаву до того, как она доберётся до узкого ущелья, через которое только и был единственный выход в сторону дома. На той стороне ущелья был ручей, который и мог бы стать преградой для огня, но до него ещё нужно было добраться.

Острые камни под ногами мешали передвигаться и норовили разбить обувь. Ребята постепенно спускались. Склон становился всё круче, а передний язык лавы на всё более наклоняющейся тропе внизу, подбитываемый грохочущими извергающимися потоками в оставшейся позади пещере едва ли уступал первенство в этом состязании. Май устремлённо перепрыгивал камни, Лавиш же то и дело оглядывался. Это привело к беде: он споткнулся и покатился вниз, прямо в раскалённую, испещрённую по краям шевелящимися трещинами реку.

Май услышал падение брата, бросился за ним, но не успевал спускаться так, чтобы самому не покатиться вслед кубарем. В отчаянии он выкрикнул неистово и неразборчиво, что-то вроде «Анаведор!» и прыгнул вперёд, в последнем рывке надеясь если и не спасти Лавиша, то погибнуть вместе с ним...

И тут лава впереди как-то глухо ухнула, забурлила и подалась на склон навстречу падающим братьям, подгребая перед собой камни и песок. И когда в следующий момент между готовыми встретить смерть героями и лавой осталось два-три шага – они попали не в огонь, а в неизвестно откуда взявшийся вал из гравия. Ещё не понимая, что происходит, Май и Лавиш приподнялись на израненных руках и увидели, что прямо перед ними, поднявшись из лавы, словно плясала огненная фигура, а от неё шёл поток воздуха.

Прохладного воздуха.

Продолжение следует...

Светлана Королева

Россия – Брянск

Душенька

Я родилась. В 17-й раз. Ещё, относительно, молодая душа. Теперь я досталась неуклюжей неуверенной в себе толстухе. Конечно, в начале она такая не была. К 19-годам, лишившись родителей, одновременно лишилась веры в себя. И стала есть. Еда заменила друзей, интересы, мужчину и себя. Про меня, душу, девушку позабыла вовсе. Сколько раз я намекала о её истинных желаниях, талантах: у Олеси превосходный высокий голос, переливающийся, с трелями, а как она плавает! Шик! Девушка могла бы стать пловчихой, певицей! Но никак не продавцом в старом, забытым цивилизацией, магазинчике на окраине серого города. Дура! Хоть я и добрая душенька, но зла на неё не хватает просто! Горе поглотило Олесю, и Олеся стала поглощать всё, чтобы забыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.